

КРЫЛОВ И РУССО

(Человек в философских схемах и реальной жизни)

Среди писателей своего времени, на фоне литераторов конца XVIII—начала XIX века фигура Крылова, застывшего на своем диване под опасно висящей картиною, и проч и проч резко выделяется¹ Но выделяется она не только и не столько этой своей позою — у каждого писателя крыловского времени была своя поза, сознательно внедрявшаяся в литературные и бытовые тексты Выделяется она мудростью, которую в этом контексте должно понимать как оппозицию философичности

К сожалению, до сих пор нет работ о Крылове и Вольтере, о Крылове и Мабли, о Крылове и его русских современниках-мыслителях² Мудрец Крылов оказывается как бы вне философских систем своего времени Между тем у него было свое отношение к ним для него характерны скепсис по поводу любой философской системы как таковой и убеждение в слабости ее перед лицом здравого смысла.

Речь пойдет об отношении Крылова к идеям Ж-Ж Руссо В сочинениях Крылова имя французского писателя мы находим несколько раз.

В сатирической повести «Ночи» Крылов описывает «обольщающую красавицу» и говорит: «Не подумай, однакож, любезный читатель, что госпожа эта скудна разумом. Если бы и случилось кому покрасть ее прелести, то осталось у ней еще одно очарование, против которого никакое нынешнее сердце не устоит красноречие — вот ее сильнейшее оружие; она превосходит им сочинителя Новой Элоизы. Письма ее к любовникам очень убедительны, хотя, правда, все они на один образец, ибо начинаются так: „Объявителю сего платит Государственный заемный банк и проч.“ Воскресни, Руссо, подобно Магометову отцу, на один только час и увидь свою победительницу, а если ты столь отважен, что вздумаешь спорить с нею в преимуществе красноречия, то выставим на одну доску письма твоей Элоизы и моей, и я ручаюсь, что последние станут торжествовать и что за них ухватятся все, не выключая академиков и самого тебя».³ Далее в этой же повести передан разговор слуги Ивана и его Барина Когда Иван слишком «разумничался» перед своим господином, Барин на-

¹ См Гордин А М, Гордин М А Крылов реальность и легенда // И А Крылов в воспоминаниях современников М, 1982 С 23—27

² Крылов не упоминается в исследовании Ю М Лотмана «Руссо и русская культура XVIII—начала XIX века» (Лотман Ю М Избр статьи В 3 т Таллин, 1992 Т 2)

³ Крылов И А Сочинения В 2 т М, 1956 Т 2 С 242

мекает ему на наказание, и Иван говорит: «А, а, понимаю! вы говорите про палки... и признаюсь, что убедительнее Руссо доказываете мне вредность наук.»⁴ Оба эти высказывания свидетельствуют о том, что Крылов был хорошо знаком с основными сочинениями Руссо и, во всяком случае, весьма высоко оценивал достоинства Руссо-писателя. Однако, судя уже по ироническому высказыванию Ивана, который уподобил палку своего господина трактату Руссо «О влиянии наук на нравы», философское учение Руссо Крылов принять не может.

Широко известно и глубоко усвоенное русской культурой в конце XVIII—начале XIX века учение Руссо о двух типах идеала человеческой жизни: «. дикарь и человек цивилизованный настолько отличаются друг от друга по душевному складу и склонностям, что высшее счастье одного повергло бы другого в отчаяние. Первый жаждет лишь покоя и свободы, он хочет лишь жить и оставаться праздным, и даже спокойствие духа стойка не сравнится с его глубоким безразличием ко всему остальному. Напротив, гражданин, всегда деятельный, работающий в поте лица, беспрестанно терзает самого себя, стремясь найти занятия, еще более многотрудные; он работает до самой смерти; он даже идет на смерть, чтобы иметь возможность жить, он отказывается от жизни, чтобы обрести бессмертие < > Такова и в самом деле действительная причина всех этих различий: дикарь живет в себе самом, а человек, привыкший жить в обществе, всегда вне себя: он может жить только во мнении других, и, так сказать, из одного только их мнения он получает ощущение собственного своего существования».⁵

В русской художественной культуре это противопоставление двух идеалов оформилось в устойчивой оппозиции вольности и покоя, с одной стороны, и счастья — с другой, причем за «вольностью и покоем» закрепилось значение не только жизни природной, внегражданской, внеобщественной, но и жизни народной, а за «счастьем» — значение жизни социальной, культурной, активно гражданской и общественной.⁶ Первому идеалу соответствовали в литературе образы, которые М.М. Бахтин назвал образами циклического хронотопа, т. е. жизни на одном месте, ибо, только находясь на одном месте, можно со всей полнотой осознать смену времен года и суток — те природные циклы, которые, будучи применены к человеку, создавали метафорические образы утра жизни, вянущей младости печального заката наших дней и проч.⁷ Второму идеалу — идеалу гражданской жизни в борьбе за

⁴ Там же С. 255

⁵ Руссо Ж.-Ж. Трактаты М., 1969 С. 96—97

⁶ Подробнее об этом см. Строганов М. В. Человек в художественном мире Пушкина Тверь, 1990 С. 72—83

⁷ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества М., 1979 С. 205 Суждение Руссо о том, что человек цивилизованный «может жить только во

«счастье» — соответствовали образы линейного хронотопа, отмечающие, как правило, индивидуальность, своеобразие поисков того или иного человека. Для изображения этого линейного хронотопа использовались обычно те же образы, но со знаком «минус»: увядание на утре дней, любовные страсти в старости и т. п. Наконец, для изображения этих идеалов жизни могли использоваться и пространственные образы — сидения на одном месте и пути, замкнутого водного пространства (озеро, море) и текучего водного пространства (река)⁸

Еще в добасенный период Крылов неоднократно высказывался по поводу того, в чем он видит идеал жизни человека, хотя и не называет при этом имени Руссо. Так в оде «Блаженство» (1793—1795?) он горько сетует по поводу того, что

Везде природы совершенство
Луч осветил всходяща дня,
Все чувствует свое блаженство,
Все веселится вокруг меня,
Все видит счастье под ногами,
Не гонится за ним морями
Никто от счастья не далек
Один лишь только человек,
Гордясь свободой без свободы,
Блаженства ищет вне природы

Ему покой и радость чужды
Рожден желаньями кипеть
Его отрада — множить нужды,
Его мученье — их терпеть
Средь брани ищет он покою,
Среди покоя — алчет бою,⁹
В неволе — враг земных богов,
На воле — ищет злых оков,
Он в будущем лишь счастье видит
И в настоящем ненавидит¹⁰

Здесь, а также в оде «Уединение», в «Отъезде из деревни» (оба — 1793—1795?) деревня, близкая природной жизни,

мнению других, и, так сказать, из одного только их мнения он получает ощущение собственного своего существования», оказывается исключительно близко основным положениям антропологии Бахтина «Я прячется в *другого* и *других*, хочет быть только другим для других, войти до конца в мир других как другой, сбросить с себя бремя единственного в мире Я (*Я—для—себя*)» (Бахтин М. М. Литературно-критические статьи М., 1986 С. 524). Не развертывая этого сюжета, укажу лишь, что эти антропологические идеи Руссо уже обсуждались: *Леви-Строс К* Руссо — отец антропологии // *Курьер ЮНЕСКО* 1963 Март С. 10—15

⁸ Усвоение этой образности в русской литературе XVIII—начала XIX века описано нами в кн. «Человек в художественном мире Пушкина» (С. 21—71), *Русская литература первой трети XIX века* Тверь, 1993

⁹ Парафразом этих двух стихов выглядит лермонтовский «Парус». Однако и он на самом деле просто восходит к философской конструкции Руссо

¹⁰ *Крылов И. А.* Стихотворения Л., 1954 С. 499, 501. В дальнейшем цитаты из стихотворных произведений Крылова приводятся по этому изданию с указанием страницы в тексте

описывается как «недра спокойства и свободы», а город — как «мрачный гроб природы» (С 495).

Вот, казалось бы, законченный руссоист Но дело в том, что в эти же годы Крылов пишет еще и другие стихотворения, в которых проявляется отношение к проблематике Руссо Это «Письмо о пользе желаний» и «Послание о пользе страстей» (оба — 1794—1795¹¹) Здесь тоже нет имени Руссо; напротив того, здесь прямо упоминаются Соломон и Зенон Но спорит Крылов все-таки именно с Руссо:

Не тот счастлив, кто счастьем обладает
Счастлив лишь тот, кто счастья ожидает

Прочь, школами прославленный покой
Природы враг и смерти брат родной! (С 511)

Не покой и вольность, прославленные Руссо, а «счастье в борьбе» — вот идеал, пропагандируемый в этом стихотворении В другом из них Крылов пишет:

Чтоб заключить в коротких мне словах,
Вот что, мой друг, скажу я о страстях
Они ведут науки — к совершенству
Глупца — ко злу, философа — к блаженству
Хорош сей мир, хорош но без страстей
Он кораблю б был равен без снастей (С 520)

Здесь Крылов спорит с трактатом Руссо о влиянии наук на развитие общества И если Руссо видел в науках пагубу для общественной жизни, то Крылов утверждает благость их влияния¹¹

Итак, уже в 1790-е гг. Крылов дает два прямо противоположных толкования проблематики Руссо. Почему? Объяснение этому мы попытаемся дать чуть позже.

Обратимся к басням Крылова. Не составит большого труда обнаружить среди его басен группу, в которой противопоставлены эти идеалы жизни Сначала — «Два Голубя» (1803). Сюжет этой басни взят из Ж. Лафонтена (до Крылова этот сюжет разрабатывался в России А. П. Сумароковым, И. И. Дмитриевым, Д. И. Хвостовым) Но дело в том, что практически одновременно с Крыловым этот же сюжет (без аллегорической, впрочем, формы) осваивают В. А. Жуковский в «Теоне и Эсхине» и К. Н. Батюшков в «Странствователе и домоседе». У всех трех авторов подчеркивается преимущество домоседства, которое и обеспечивает постижение подлинных ценностей жизни, в то время как странничество, напротив, отдаляет человека от них.

¹¹ Полемику с этим трактатом Руссо у Крылова отметил уже Н. Л. Степанов (*Степанов Н. Л. Крылов — баснописец // И. А. Крылов Исслед и мат. М., 1947 С. 74*), указав на басню «Водолазы» и на «Похвальную речь в память моему дедушке» (1792) Ср. *Крылов И. А. Сочинения В 2 т Т. 2 С. 290* В более поздних работах (например, «Басни Крылова» М., 1969) Н. Л. Степанов уже не возвращался к этому вопросу

Если же человек сознательно нарушает природный цикл, то это оборачивается для него гибелью. Об этом идет речь в басне «Дерево» (1814): деревце, стремясь скорее вырасти, просит человека вырубить вокруг него высокие деревья. Когда человек сделал это, деревце, лишившись естественной защиты, погибло. Здесь, казалось бы, верные подтверждения тому, что Крылов является последователем Руссо: он за этические ценности природной, «дикой» жизни, против жизни «цивилизованной», социальной.

Но дело в том, что рядом с басней «Дерево» в третьей книге басен Крылова находится басня «Старик и Трое Молодых» (1805; также написана на сюжет Лафонтена). Здесь трое молодых людей смеются над стариком, сажающим дерево, ибо он не сможет насладиться его тенью и плодами. Старик отвечает, что дни человека сочтены не людьми, и оказывается прав: все Трое Молодых вскоре умерли. Получается, что Трое Молодых, утверждавших циклический хронотоп как норму жизни, ошибались. И это действительно так, ибо и на самом деле не нам судить о длительности нашей жизни, — но это церковно-христианское воззрение. С точки же зрения схемы, предложенной Руссо, трое молодых — это носители истины.

Крылов дает, таким образом, два прямо противоположных ответа на вопрос о преимуществах/недостатках циклического времени. В басне «Старик и Трое Молодых» он опровергает его, а в басне «Дерево» его утверждает. Но обратим внимание на даты произведений. «Старик и Трое Молодых» написана в 1805 г., а «Два Голубя» и «Дерево» соответственно — в 1808 и 1814 гг. Может быть, изменение решений обусловлено идейной эволюцией автора?

Однако в таком случае Крылов вряд ли стал располагать басни, противоречащие друг другу, рядом. Обратимся к басне «Пруд и Река» (1814). Здесь изображен спор Пруда, олицетворяющего собой ценности циклического хронотопа — вольность и «покой», — и Реки — носительницы ценностей хронотопа линейного: «труда» и борьбы за счастье («И пользу приношу, и в честь вхожу и в славу»). Этот спор решается в пользу Реки, в пользу линейного хронотопа: Река и поныне катит свои волны, отягощенные грузом, а Пруд зацвел и заглох. Напрашивается живая аналогия: Обломов и Штольц.¹² Таким образом, в одном и том же 1814 г. написаны басни совершенно противоположных ориентаций: так сказать, анти-руссоистская «Пруд и Река» и проруссоистская басня «Дерево».

Это объяснить можно только одним. Ни одна философская система как таковая не верна и не справедлива с точки зрения Крылова. Ни одна философская система не исчерпывает

¹² На возможность применения этой аналогии указал еще М. М. Бахтин (*Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики* М., 1975 С. 383)

всего многообразия жизни. Каждый раз, прикладывая ту или иную философскую модель к реальной жизни, мы вынуждены давать новый ответ. Готовых решений нет, и то, что было хорошо и верно вчера, сегодня стало уже неверным и не подходит к нашим взглядам.

Этим и удобна поза мудреца-баснописца, а не философа. Философ обязан строго последовательно выводить из посылки следствие, он должен строить логическую систему доказательств и аргументов. Мудрецу-баснописцу этого не требуется: он рассказывает историю, конкретную и связанную с целым рядом обуславливающих ее причин. Поэтому к каждой истории и прикладывается свой, особый вывод. То, что могло казаться противоречием в лирике, в басенном творчестве снимается логикой жанра. Мудрец потому и мудрец, что он не подлаживается к теории, а умеет каждый раз мудро решить, казалось бы, один и тот же, но одновременно и иной (в силу конкретных обстоятельств) вопрос.

Подобная «противоречивость» особенно наглядно проявляется при решении социальных вопросов. Вот самый простой и естественный из них: социальное равенство — это благо или зло? Кажется, иного, кроме положительного, ответа быть не может. И Крылов пишет, что отсутствие социального равенства приводит к насилию слабого над сильным («Волк и Ягненок», 1808), к непризнанию верхами прав низов («Листы и Корни», 1811; «Мор зверей», 1805), при этом сильные надменны по отношению к слабым, хотя те больше трудятся на общую пользу («Орел и Пчела», до 1813; «Водопад и Ручей», 1812; «Пожар и Алмаз», 1812). Перед природою все равны («Василек», 1823), но люди часто не только нарушают природное равенство, но и установленное ими самими («Совет Мышей», 1811).

Итак, вывод напрашивается сам собою: Крылов отстаивал социальную справедливость и равенство всех людей перед высшим судом.

Но для этого естественного, казалось бы, вывода есть и контрвыводы. Во-первых, при наличии общих социальных условий не каждый умеет правильно воспользоваться ими («Фортуна в гостях», 1816). Во-вторых, если дать людям социальное равенство — они полезут выше, туда, где находится для них нет никаких оснований. Лягушка будет утверждать, что «мы пахали» («Лягушка и Вол», 1808), Скворец захочет петь по-соловьиному, не имея соответствующего дара («Скворец», 1816). Колос будет претендовать на особое внимание, хотя сеятель и сам знает, чего он достоин («Колос», 1819). Поэтому Крылов призывает:

Когда не хочешь быть смешон,
Держися звания, в котором ты рожден.
Простолюдин со знатью не родился;
И если карлой сотворен,

То в великаны не тянися,
А помни свой ты чаще рост
(«Ворона», до 1824,
С 323)

Отсутствие социального равенства — такое же зло, как и наличие его. Люди не умеют пользоваться равенством либо злоупотребляют им. Но одновременно люди и попирают равенство, ущемляя права слабых и бедных.

Так же — внешне противоречиво, а внутренне очень стройно — решается и вопрос о характере отношений власти и подданных. Диктатура лучше демократии. Такой вывод прямо следует из сюжета басни «Конь и Всадник» (1814):

Как ни приманчива свобода,
Но для народа
Не меньше гибельна она,
Когда разумная ей мера не дана (С 196)

Так же точно решается вопрос и в баснях «Собака» (1816), «Кот и Повар» (1812). Но вот — «Лев на ловле» (1808). Когда власть своей силой претендует на кусок, принадлежащий слабым по праву, она перестает быть справедливой. Нельзя однозначно, раз и навсегда сказать, что одно хорошо, а другое заведомо плохо. Каждый раз приходится решать заново: что плохо, а что хорошо. В этом умении решать и заключается мудрость человека, который, не строя теорий, отдал предпочтение самой жизни. Так Крылов рассчитался со «столетьем безумным и мудрым»...